

До входа в квартал оставалось всего триста метров — каких-то пять минут неспешным шагом, — когда небеса снова разверзлись. Дождь обрушился стеной, крупные, с горошину, капли яростно били по асфальту, взрываясь мириадами брызг, и через несколько секунд Хэ Ян промок до нитки.

Отец и сын укрылись под козырьком закрытого магазинчика — ждать, когда стихия утихомирится.

Сюаньсюань сосредоточенно посасывал молочный леденец, щурясь от удовольствия и совершенно не обращая внимания на внезапный ливень. А в голове Хэ Яна всё ещё роились чужие голоса, слова, от которых не получалось отмахнуться, — они впивались в сознание, как заноза, и не давали покоя.

— Папа, смотри! — Сюаньсюань ткнул пальчиком в сторону промчавшегося мимо белого спорткара. — Красивая машинка!

Хэ Ян невольно вспомнил тот вечер, тот самый дождь, когда Лу Тинфэн подобрал их на обочине — в машине тогда царила такая тёплая, такая естественная атмосфера, отец и сын, даже не зная правды, чувствовали друг друга кожей, дышали в унисон, и от этого воспоминания у Хэ Яна защипало в глазах.

Рядом, тоже под козырьком, пережидали дождь несколько молодых людей. Один за другим к ним прибегали родные: кого-то накрыли зонтом, кого-то обняли на бегу, кто-то рассмеялся, ныряя под куртку.

А потом они ушли.

Все.

Остались только они.

— Папа, — голосок Сюаньсюаня прозвучал неожиданно громко в шуме дождя, — а дядя снова приедет за нами?

Детские вопросы всегда обезоруживающе просты. Но Хэ Ян знал: за этим стояло настоящее, глубокое чувство. Его маленький мальчик прикипел сердцем к тому, кого называл чужим именем.

Хэ Ян присел на корточки, заглянул в эти огромные, доверчивые глаза, в которых отражался свет уличного фонаря:

— Сюаньсюань, тебе правда нравится дядя?

— Угу! — Малыш закивал так энергично, что чёлка запрыгала на лбу. — Дядя сильный, он меня кружит высоко-высоко, он фокусы показывает, у него машинка краси-и-ивая, и пахнет от него вкусно... И он ко мне добрый. Очень-очень добрый.

— А большой дом тебе нравится? — осторожно спросил Хэ Ян, чувствуя, как собственный голос предательски дрожит. — Где много-много таких красивых машинок, как у дяди, и сладостей — сколько хочешь, и игрушек, и собачек с кошечками?

— Нравится, — честно ответил Сюаньсюань, но в глазах его мелькнуло что-то, похожее на тревогу.

— А если...

Он замолчал. Сглотнул.

— Если папы не будет рядом, ты хотел бы жить с дядей?

Сюаньсюань замер. Леденец выпал из ослабевших пальцев и с тихим стуком покатился по мокрому асфальту. А потом он резко мотнул головой и прижался к отцу, спрятав лицо у него на груди, вцепившись в куртку так, будто его пытались отнять силой.

— Папа, не бросай Сюаньсюаня! Не надо! Я не хочу! — голос сорвался.

— Глупенький, глупенький мой, — Хэ Ян обнял его, прижал к себе, чувствуя, как бьётся маленькое сердце, как вздрагивают плечики. — Папа просто спросил, «если». Понимаешь? «Если» — это понарошку. Папа никогда тебя не бросит. Никогда. Слышишь?

— Сюаньсюань будет хорошо кушать, — затараторил малыш, не поднимая головы, голос его дрожал, но в нём уже пробивалась решимость, — быстро-быстро вырастет и купит папе большой-пребольшой дом! И машинку, как у дяди! Хорошо? Только ты не бросай меня!

С тех пор как родился Сюаньсюань, Хэ Ян ни разу не плакал — ни разу за эти три года. А сегодня слёзы сами потекли по щекам, смешиваясь с дождевыми каплями, и он даже не пытался их вытереть.

«Ты у меня один... И что мне делать?..»

В выходные в детском саду должны были проводить праздник — родительское мероприятие с играми и конкурсами. Участвовать полагалось и маме, и папе.

Сюаньсюань ничего не говорил, но его лицо было открытой книгой, в которой каждая строчка читалась без труда. Он ходил по квартире тихий, задумчивый, игрушки не радовали, мультики не отвлекали.

Потому что он хотел, чтобы пришёл ещё и «дядя».

Хэ Ян и думать забыл о Ли Гуанбине. Такое мероприятие — не тот случай, когда можно пригласить друга, не вызывая кривотолков. Ли Гуанбинь был ему дорог как друг, как брат, как самый близкий человек после сына, но не как возлюбленный. И Хэ Ян не имел права морочить ему голову, давать ложную надежду.

Когда они спустились вниз, с лавочки у подъезда поднялся Лу Тинфэн. Уголки его губ дрогнули в тёплой, почти робкой улыбке при виде отца и сына в одинаковых синих футболках — на Сюаньсюане машинка, на Хэ Яне просто полоска, но всё равно видно, что комплект.

Хэ Ян замер, как вкопанный. Восемь утра. Неужели он просидел здесь всю ночь, как верный пёс, охраняющий вход?

Сюаньсюань, заметив дядю, радостно взвизгнул и, смешно перебирая короткими ножками, рванул к нему, обхватив за ногу и прижавшись пухлой щекой к мокрым от утренней росы брюкам.

— Дя-а-а-дя!

Лу Тинфэн подхватил молочный комочек на руки, легко, словно тот ничего не весил, и щёлкнул его по любопытно вздёрнутому носу:

— Что-то ты сегодня слишком сладкий, прямо мёд, а не ребёнок. Опять что-то нужно?

За последнее время он изучил этого малыша как свои пять пальцев: если надувает губы — обиделся, если лезет целоваться — счастлив, а если вот так ластится, трётся, как котёнок, и тянет бесконечное «дя-адя» — точно что-то просит.

Сюаньсюань захихикал, закрывая рот пухлой ладошкой, потом прильнул к уху Лу Тинфэна и зашептал, то и дело прыскавая от смеха. Видно, секрет был весёлым.

Выслушав, Лу Тинфэн бросил на Хэ Яна быстрый, почти испуганный взгляд — в нём смешались надежда, неуверенность и что-то ещё, чему Хэ Ян не решился дать название.

Сюаньсюань продолжал тереться и упрашивать, повиснув на шее, но Лу Тинфэн не решался ответить. Он боялся. Боялся, что Хэ Ян рассердится, что одним неосторожным словом разрушит то хрупкое, что только начало выстраиваться между ними.

Пришлось малышу подключать тяжёлую артиллерию — он слез с рук, подошёл к отцу и, задрав голову, уставился на него своими огромными глазищами, в которых плескалась такая мольба, что устоять было невозможно.

Хэ Ян сдался.

И они пошли в садик втроём.

Ещё пару дней назад Хэ Ян без колебаний отказал бы сыну в такой просьбе. Но сейчас, после долгих, мучительных раздумий, после той сцены под дождём, после слов Ли Юйтун, он понял: если ребёнок кого-то любит, если кто-то делает его счастливым, он не имеет права это отнимать. Даже если этот кто-то — Лу Тинфэн. Даже если прошлое кровоточит и не даёт забыть.

Пусть видится. Пусть играет. Пусть участвует в этих дурацких конкурсах, пусть бегают с сыном наперегонки и лопают с ним мороженое.

Взрослые ссоры, взрослая боль, взрослые обиды — всё это не должно ломать детство. А детство — оно такое короткое, такое хрупкое, такое незащищённое. Пусть у Сюаньсюаня будут оба отца. Пусть он растёт счастливым, зная, что его любят сразу двое.

Но в семью Лу он его не отдаст. Никогда. Ни при каких условиях.

<http://bllate.org/book/16098/1591772>